

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ЗОНА МОЛЧУНОВ

ПЕРВАЯ

ТИШИНА

ТОМ 6

Валерий Гуров

Первая тишина. Том 6

«Автор»

2026

Гуров В.

Первая тишина. Том 6 / В. Гуров — «Автор», 2026

Сначала люди начали шептать: «тише». А потом — убивать за любой звук. Никто не понял, что произошло. Привычный мир рухнул за считанные часы. Так началась Первая тишина. Сергей Логинов попал в 2026 год из 1999-го — прямо в первый день катастрофы. Вокруг хаос, кровь и обезумевшие люди, а в полицейских базах он числится мертвецом. Только Первая тишина его не берёт. Теперь Сергею нужно выжить, спасти тех, кто ещё держится, и найти того, кто запустил катастрофу. Потому что Первая тишина не случайность. И тот, кто её запустил, опаснее молчунов.

© Гуров В., 2026

© Автор, 2026

Валерий Гуров

Первая тишина. Том 6

Глава 1

Я прошёл за створку ещё несколько метров и остановился. Коридор уходил вперёд метров на двадцать, затем сворачивал вправо, туда, где на старой схеме проходил маршрут к внешней стене. Под потолком через один горели тусклые аварийные светильники, и этого хватало, чтобы рассмотреть серые стены, несколько закрытых дверей и толстый слой пыли на полу.

Ковалёв шагнул следом, придерживая автомат одной рукой, второй он уже возился с рацией, которую снял с раненого. Я обернулся к двери. За металлической створкой оставались Артур, лежавший возле стены, второй внутренний и мужик с простреленным плечом.

Раненый сидел у стены, зажимая плечо ладонью. Пистолет мы у него забрали, автомат второго внутреннего тоже лежал уже у Ковалёва за спиной. Я подошел ближе к двери, когда из трофейной рации раздалось:

— Двенадцатый, ответь. Двенадцатый, где вы?

Ковалёв посмотрел на аппарат, вскинул бровь и перевел взгляд на раненого.

— Значит, этот у нас Двенадцатый.

Мужик вдруг резко наклонился к Артуру. Я сначала решил, что попытается подняться, но рука пошла к его разгрузке. На ней оставалась запасная рация.

— Даже не думай, — предупредил я.

Он всё-таки схватил её. Ковалёв выстрелил раньше, чем тот успел нажать передачу. Мужик ударился спиной о стену и сполз рядом с Артуром.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом Ковалёв убрал пистолет.

— Теперь свидетелей нет.

— Зато трупов прибавилось... — я огляделся.

Оставлять здесь следы точно не стоило.

В первой комнате за старой дверью оказалось пустое техническое помещение. Мы перетащили туда Артура и обоих внутренних, забрали оружие, рации и прикрыли дверь. Возле порога остались несколько тёмных капель. Я нашёл в углу кусок старой ветоши, стёр самое заметное, Ковалёв сгреб ботинком пыль с края коридора и раскидал её сверху. Судмедэкспертизу мы всё равно бы не обманули, зато человек, пробежавший мимо, крови сразу уже бы не увидел.

Я достал карточку Лизы. Считыватель нашёлся с внутренней стороны, возле самой рамы. Корпус выглядел ровесником всего этого хозяйства, однако красный огонёк горел. Я приложил карточку, внутри двери что-то тяжело щёлкнуло, после чего привод заурчал и медленно потащил створку обратно.

Ковалёв проверил, что дверь технического помещения с телами закрыта. Когда створка сошлась с рамой и замки один за другим встали на место, он повернулся ко мне.

— Обратно-то откроем? Было бы обидно найти выход и остаться с этой стороны.

— Сейчас проверим.

Я снова приложил её к считывателю. Красный огонёк сменился зелёным, за дверью отработали замки. Открывать створку я уже не стал, вернул систему в закрытое положение и убрал пропуск.

Ковалёв кивнул и прислушался к рации. В эфире уже шла обычная для последних часов каша из коротких докладов, чужих голосов и попыток перекричать друг друга. Кто-то требо-

вал двух человек к южным складам, кто-то сообщал о машине возле промзоны, затем поверх разговора прорезался другой голос.

— Третий пост, повторите по людям у старого хозяйственного. Сколько видели?

Ответ прошёл с помехами:

— Четверо точно. Может, ещё вторая машина была дальше. Ушла за корпуса.

Ковалёв прибавил громкость, и мы несколько секунд просто слушали.

— Северный резерв пока держим, — распорядился кто-то. — Южный сектор усиливаем.

Затем канал сменился, и пошёл уже другой голос:

— Внутренним отдельно. Артур и его группа на связь не выходят. Логинова и Ковалёва видели в хозчасти. Проверяйте переходы и старые помещения.

Ковалёв постучал пальцем по корпусу рации.

— Вот это внутренние В-7. У них свой канал. Михалыч ими не командует.

Мы двинулись дальше. Первый десяток метров коридор выглядел так, будто его просто закрыли однажды вечером и больше сюда никто не вернулся. На полу ковром лежала пыль, возле стены стояла металлическая тележка, на ней сохранились пустые пластиковые контейнеры.

Вскоре я заметил, что светильники впереди загорались по мере нашего движения. Значит, где-то здесь всё ещё жила автоматика.

На первой двери висела табличка с почти стёртыми буквами. Я провёл ладонью по пыли и прочитал: «МЕДИЦИНСКИЙ КОНТУР. СЕКТОР 2». Под названием стоял короткий буквенно-цифровой индекс. Я достал карточку Лизы, поднёс ближе и сравнил.

Совпадало.

Ковалёв тоже посмотрел.

— У папаши девчонки, похоже, тут доступ был приличный, — сухо прокомментировал он.

Я убрал карточку и пошёл дальше. Ковалёв задержался возле двери, попробовал ручку и посмотрел на меня.

— Проверим? Минута максимум.

— Когда узнаем, куда отсюда уводить людей, — ответил я.

Он отпустил ручку и догнал меня. Спорить Ковалёв умел прекрасно, зато и приоритеты понимал не хуже моего.

За поворотом коридор стал шире. В стенах появились застеклённые окна, за которыми угадывались пустые помещения с металлическими столами. Часть стёкол была мутной от времени, одно треснуло по диагонали. На полу тянулись две параллельные полосы, оставленные когда-то каталками или тяжёлым оборудованием.

Я посветил фонарём на ближайшую стену. Там сохранилась ещё одна табличка: «КОНТУР АКУСТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ». Ниже снова стоял знакомый индекс. Рядом висела пластиковая рамка со старой схемой этажа, пожелтевшей по краям.

Ковалёв присвистнул.

— Опять тот же код. Карточка открыла старый вход и теперь здесь его код на каждой второй двери....

Я снял схему с крепления и быстро просмотрел. Часть обозначений уже была знакома по той карте, которую мы видели перед второй дверью: лабораторный сектор, медблок, саншлюз, длинный техкоридор вдоль внешней стены.

Самое полезное находилось справа внизу. Зелёная линия уходила от текущего сектора через два шлюза к надписи «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД №3».

— Вот сюда, — я ткнул пальцем. — Если план не врёт, идти метров пятьдесят.

— За двадцать с лишним лет тут могло произойти много интересного, — прохрипел Ковалев.

Мы двинулись по зелёным стрелкам. Коридор дважды менял направление, потом упёрся в широкий саншлюз. Створки были раскрыты, внутри сохранились душевые рамы, металлические лавки и шкафчики с выцветшими номерами. Воздух здесь был суше, пахло пылью и старой проводкой.

Ковалёв остановился возле одного из шкафчиков и постучал по дверце.

— Вот это я понимаю в Союзе вещи делали.

Я же оценил ширину прохода и провёл фонарём по полу. Высоких ступеней не было, повороты оставались достаточно широкими.

Рация на поясе Ковалёва снова заговорила. На этот раз голос оказался ближе и гораздо злее.

— Четвёртая группа, отзовитесь. Хозсектор проверить полностью. Артура кто-нибудь видит?

Ответили сразу двое. Один сообщил, что Артур на связь не выходит, второй запросил разрешение проверить старый коридор.

Ковалёв посмотрел на дверь, оставшуюся далеко позади.

— Быстро очухались, сука.

Я ускорился. Пыли под ботинками было столько, что наши следы оставались на полу ровной дорожкой. Скрывать направление сейчас смысла не было. Нам требовалось проверить маршрут раньше, чем внутренние начнут вскрывать дверь.

За саншлюзом обнаружились ещё две гермодвери. Первая стояла открытой примерно на ладонь. Мы протиснулись боком и пошли дальше. Вторая оказалась обычной противопожарной, её Ковалёв толкнул плечом, и она с неприятным скрипом пропустила нас в ещё один длинный коридор.

По правой стороне шли толстые трубы, часть была обёрнута старой теплоизоляцией, слева через равные промежутки находились двери в техпомещения. Под потолком висели указатели выхода.

— Всё лучше и лучше, — прошептал Ковалёв. — Сейчас ещё найдём там работающую тачку с полным баком и холодильник с пивом.

Аварийный выход нашёлся именно там, где обещал старый план. Широкая металлическая створка занимала почти всю стену, сбоку стоял пыльный пульт с двумя лампами и массивной красной кнопкой под прозрачной крышкой. Над дверью сохранилась зелёная табличка: «ВНЕШНИЙ ШЛЮЗ №3».

Я нажал кнопку.

Внутри стены щёлкнуло. Зелёная лампа загорелась, затем привод коротко загудел и затих. Створка осталась на месте.

Ковалёв усмехнулся. Я нажал ещё раз и прислушался. Электрозамок точно отработывал, потом двигатель попытался провернуть механизм и сразу отключался.

— Привод не тянет, — прокомментировал я.

— Ломать? — предложил Ковалёв.

— Погоди.

Под пультом висела металлическая пластина с инструкцией. Пыль с неё пришлось стирать рукавом. Половина текста читалась нормально: при отказе основного привода требовалось перевести шлюз в ручной режим на посту управления №2.

Я оглянулся. В десяти метрах от выхода была дверь с маленьким окошком и табличкой «ПОСТ №2». Ковалёв тоже её заметил и молча показал пальцем.

Дверь оказалась заперта обычным механическим замком. Ковалёв попробовал ручку, отступил и посмотрел на петли.

— Ключей у нас, конечно, нет. Теперь точно ломать...

Я отрицать не стал и взялся за стоявший у стены старый металлический огнетушитель. Два удара по корпусу замка заставили его перекошиться, третий выломал язычок из трухлявой деревянной коробки. Дверь распахнулась внутрь.

Помещение было маленьким, метров шесть квадратных. На стене стоял шкаф управления, рядом стол с телефоном, лампой и раскрытым журналом. Телефон выглядел так, будто его можно было сдавать в музей связи, впрочем не только его. Зато шкаф каким-то чудом работал — две лампы горели, стрелочный индикатор показывал напряжение.

Ковалёв полез к панели.

— Здесь ручной привод, реверс и аварийное снятие блокировки.

Он повернул большой переключатель. Где-то за стеной тяжело лязгнуло. Затем нажал кнопку привода, и двигатель снова загудел, теперь дольше. Секунд через пять звук оборвался.

— Всё?

— Нет. Реле выбивает... с-с-сука.

Я заглянул внутрь шкафа, потом вернулся к двери. Створка сидела плотно, однако снизу возле направляющей виднелся слой ржавчины и затвердевшей грязи. Я присел, провёл пальцами вдоль металлического желоба и поднялся.

— Давай ещё раз.

Ковалёв вернулся к панели. Я упёрся обеими руками в выступающую рукоять аварийного механизма.

— Готов?

— Сейчас дам питание. Только пальцы побереги.

Мотор взвыл. Я навалился на рукоять, сначала она вообще не двинулась. Потом внутри что-то хрустнуло, створка дрогнула на пару сантиметров и снова остановилась.

— Ещё!

Ковалёв отпустил кнопку, выдержал несколько секунд и запустил привод снова. На этот раз я дёрнул рукоять в тот момент, когда двигатель набрал обороты. Механизм протяжно заскрежетал, из верхней направляющей посыпалась пыль, и створка медленно поползла в сторону.

— Пошла! Держи!

Проём расширялся сантиметр за сантиметром. Когда между створкой и стеной появилось около метра, привод снова отключился. Теперь этого вполне хватало, чтобы пройти, но для каталки было все таки тесно.

С третьей попытки мы дожали створку почти до конца. Я отпустил рукоять и несколько секунд разминал пальцы. Ковалёв вышел из поста и первым выглянул наружу.

За дверью оказался короткий бетонный тамбур, а уже дальше начинался двор старого НИЦ. Потрескавшийся асфальт зарос травой, вдоль стены стояли несколько ржавых контейнеров, дальше тянулась дорога между двумя длинными корпусами. Один корпус сохранился прилично, у второго провалилась часть крыши.

Я вышел наружу и остановился у стены. Слева дорога уходила к старым воротам, давно перекошенным и заросшим кустарником. Справа между зданиями виднелся широкий проход, за которым начиналась территория, уже находившаяся за нынешним периметром Маяка.

Ковалёв вышел следом и огляделся.

— Чисто вроде, — подметил он.

Я прошёл до угла ближайшего здания и осторожно выглянул. За дорогой стоял ещё один старый корпус, потом начиналась полоса пустыря. Метров в ста пятидесяти между деревьями двигались две человеческие фигуры.

Молчуны.

Оба шли медленно, нас пока не заметили. Ещё дальше мелькнул третий.

Я вернулся к Ковалёву, забрал у него рацию, переключился на третий канал и вызвал Дмитрия. Ответ пришёл почти сразу.

— Слышу тебя.

— Маршрут нашёл, — обозначил я. — Начинай первый этап — из жилого сектора выводите первую группу в инструменталку. Дальше пока никого не веди.

— Сколько времени у нас? — уточнил Дмитрий.

Я посмотрел на Ковалёва. Тот уже вернул громкость на трофейной рации и слушал внутренний канал. Почти сразу из динамика донеслось: «Хозяйственный, двое к старому переходу. Артур и Двенадцатый всё ещё не отвечают. Проверить закрытые помещения».

— Меньше, чем хотелось бы, — ответил я.

— Понял. Первых веду в инструменталку.

Я вернул рацию Ковалёву и ещё раз оглядел двор. Для идеального убежища место подходило примерно никак. Но нам требовалась дорога наружу, и дорога у нас появилась.

Когда мы пошли обратно, я снова остановился возле схемы эвакуации. Теперь, когда вопрос с выходом решился, взгляд сам зацепился за боковой сектор, мимо которого мы прошли несколько минут назад. Там значились лаборатории и отдельный блок аварийной терапии.

Ковалёв проследил за моим взглядом.

— На обратном пути посмотрим, что там, — сказал я.

Мы двинулись по коридору к саншлюзу. Аварийные светильники продолжали загораться впереди один за другим, и теперь я уже внимательнее смотрел на двери по сторонам.

Впереди где-то за стеной вдруг коротко щёлкнуло реле, после чего в одном из боковых помещений загорелся свет. Мы оба повернули головы туда и остановились.

Щёлкнуло ещё раз, после чего за мутным стеклом боковой двери вспыхнула вторая лампа. Свет был слабым, желтоватым, однако помещение за дверью сразу проступило из темноты: край металлического стола, высокий шкаф и что-то похожее на лабораторную стойку у дальней стены. Ковалёв остановился рядом со мной и посмотрел сначала туда, потом на рацию в руке.

— Кажется, мы всё-таки разбудили эту богадельню, — прошептал он.

— После бассейна меня уже трудно удивить, — ответил я и подошёл к двери.

На табличке под слоем пыли проступали буквы, пришлось провести по металлу ладонью, чтобы прочесть остальное: «АВАРИЙНАЯ ТЕРАПИЯ. БИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ».

Ковалёв негромко выругался. Рация у него снова затрещала, кто-то уточнил, нашли ли Артура.

Я попробовал ручку. Дверь открылась сразу, словно помещение только и ждало, пока кто-нибудь вспомнит о его существовании.

Внутри висел медицинский запах, давно выветрившийся до едва заметного оттенка. Вдоль стен стояли закрытые металлические шкафы, посреди комнаты находились два рабочих стола, на одном валялась перевернутая клавиатура старого образца. Мониторы оставались тёмными. Над дальней стойкой горела аварийная лампа, ещё одна мигала возле ряда высоких холодильных модулей.

Я прошёл к ним. Три шкафа стояли мёртвые, у четвёртого на панели светилась тонкая зелёная полоска. Рядом с ручкой висела небольшая табличка с перечнем температурных режимов и знаком аварийного питания.

— Вот этот живой, — сказал я. — Подойди.

Ковалёв остался возле двери и только вытянул шею.

— Я тебе верю, — хмыкнул он.

Я потянул ручку. Уплотнитель держал крепко, потом тихо чмокнул, и тяжёлая дверца открылась. Внутри загорелся холодный белый свет. Большинство ячеек оказалось пустым. В

двух лежали небольшие контейнеры с помутневшими индикаторами, ещё у нескольких пластиковые корпуса пошли трещинами от времени.

В нижнем отсеке стояла одна целая кассета.

Я вытащил её и положил на соседний стол. Размером она была примерно с небольшую автомобильную аптечку, корпус толстый, герметичный, с вмонтированным дисплеем и транспортной ручкой. На боковой панели сохранилась заводская маркировка.

«Р-0».

Ниже шло:

«ОБРАТНАЯ ТЕРАПИЯ. ОПЫТНЫЙ ОБРАЗЕЦ».

Я перечитал дважды. После всего, что мы успели увидеть в В-7, сочетание слов выглядело слишком интересным, чтобы просто закрыть дверцу и уйти.

— Ковалёв, иди сюда, — позвал я.

Он подошёл, прочитал надпись и почесал подбородок.

— Обратная терапия чего?

— Хрен его знает... такое спросишь! — ответил я.

Я повернул кассету. На обратной стороне обнаружилась красная предупреждающая наклейка, часть букв стёрлась, однако главная строка сохранилась хорошо.

«ПРИМЕНЕНИЕ БЕЗ СТАБИЛИЗАТОРА ЗАПРЕЩЕНО».

Ковалёв прочитал и недовольно хмыкнул.

Я нашёл на корпусе ещё один небольшой индикатор. Он продолжал работать, хотя понять по двум значкам, что именно показывала система, я не мог. Рядом имелась маркировка транспортного режима и фиксатор крышки. Значит, кассету изначально рассчитывали выносить из холодильника хотя бы на какое-то время.

Я поднял её за ручку.

— После того, что мы видели в В-7, коробку с надписью «обратная терапия» я здесь точно не оставлю. Инна посмотрит, потом решим, — пояснил я.

Ковалёв усмехнулся и вернулся к двери. Я расстегнул рюкзак, убрал кассету внутрь так, чтобы она стояла ровно, и затянул ремни. Весила она килограмма три.

Откуда-то за стеной снова донёсся низкий гул работающего оборудования. Судя по звуку, после запуска наружного шлюза питание действительно пошло дальше по старому контуру. Возле стены мигнула ещё одна лампа, затем ожил небольшой терминал возле холодильников.

Экран сначала засветился серым, потом по нему побежали строки самопроверки.

Я уже собирался уходить, однако остановился.

— Ещё тридцать секунд, — бросил я Ковалёву через плечо.

Терминал загрузился. Интерфейс выглядел старым даже по меркам моего родного девяносто девятого: крупные прямоугольные окна, простые пиктограммы, белые буквы на тёмном фоне. Современной системы В-7 здесь и близко не было. В верхнем углу стояла дата последнего штатного обслуживания, дальше несколько строк технического состояния.

Я нажал на раздел «АРХИВ».

Экран тут же запросил идентификатор доступа.

— Конечно, — пробормотал я.

Я полез во внутренний карман и достал карточку Лизы. Возле клавиатуры обнаружился старый считыватель с такой же узкой прорезью и тем же обозначением, которое мы уже несколько раз встречали на дверях.

Я приложил карточку. Несколько секунд ничего не происходило. Потом считыватель пискнул, экран мигнул, и поверх окна авторизации появилась новая строка.

«ПРОФИЛЬ ДОПУСКА ПОДТВЕРЖДЁН».

Ниже высветилась фамилия.

«БАВИЛОВ».

Ещё ниже:

«АВАРИЙНАЯ ТЕРАПИЯ».

Следом шёл длинный номер уровня допуска, а под ним ещё одна строка:

«ПОСЛЕДНЕЕ ОБНОВЛЕНИЕ ПРОФИЛЯ: 2026».

Я снова посмотрел на древний терминал. Самому оборудованию было лет двадцать с лишним, профиль Вавилова обновляли уже в нынешнем году. Выходило, отец Лизы пришёл сюда гораздо позже тех, кто строил этот блок.

Ковалёв всё-таки отошёл от двери и подошёл ближе, тоже заинтересовавшись.

— В двадцать шестом обновляли, — прочитал он.

После подтверждения профиля терминал открыл главное меню. Папок оказалось немного. Я быстро пробежал названия глазами.

«Р-0».

«ОБРАТНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ».

«АВАРИЙНЫЙ ПРОТОКОЛ».

«ЛИЧНЫЙ АРХИВ».

Последняя строка заинтересовала сильнее остальных, однако сейчас она могла легко украсть у нас полчаса. Я открыл «Р-0». На экране появилась карточка проекта, затем несколько строк состояния.

«БАЗОВАЯ ФОРМУЛА: Р-0».

«СТАБИЛИЗАТОР: Л.В.».

«ПРИМЕНЕНИЕ БЕЗ СТАБИЛИЗАТОРА ЗАПРЕЩЕНО».

Я попробовал открыть строку со стабилизатором. Терминал запросил дополнительное подтверждение и выдал сообщение о необходимости доступа к расширенному архиву. Карточка Вавилова позволяла пройти дальше, однако система требовала ещё какое-то действие, разбираться с которым сейчас времени не было.

Рация у Ковалёва резко ожила.

— Артур, приём. Двенадцатый, ответь. Кто-нибудь из группы Артура, приём.

После короткой паузы заговорил другой голос:

— Старый медсектор проверить в первую очередь. Ковалёв может быть с Логиновым. Если найдёте след — сразу доклад.

Ковалёв моментально повернулся к двери.

— Всё. Наша экскурсия походу закончилась.

Следом заговорил другой человек, уже гораздо быстрее:

— Южная промзона, движение! Две машины возле третьего проезда, вооружённые. Пост четыре запрашивает усиление.

Я закрыл карточку Р-0. На экране снова появились четыре папки. На секунду курсор задержался возле «ЛИЧНОГО АРХИВА», потом я выключил монитор.

— Пошли.

Ковалёв уже был в коридоре.

Я выдернул из бокового разъёма небольшой съёмный накопитель, который терминал определил как локальный архивный модуль, и сунул его в карман рядом с карточкой Лизы. Разбираться с содержимым будем позже, если это «позже» вообще сегодня наступит.

Перед выходом я ещё раз посмотрел на экран, который медленно гас. Две буквы так и остались в памяти.

Л.В.

Я сделал два шага к выходу и уже собирался убрать карточку, когда свет аварийной лампы скользнул по боковой стенке соседнего приборного шкафа. На серой панели под слоем пыли сохранилась заводская маркировка: маленькая эмблема, ряд цифр и буквенный индекс серии. Я прошёл мимо, потом всё-таки остановился и вернулся на полшага.

Что-то в расположении значков неприятно цепляло память. Эмблему я где-то видел, и индекс рядом тоже казался знакомым, хотя откуда именно он взялся в голове, вспомнить сразу не получилось.

— Сергей! — голос Ковалёва донёсся уже из коридора.

— Сейчас догоню.

Рассматривать снимок сейчас смысла не было. Память всё равно крутилась где-то рядом с ответом и всё-таки упорно за него не цеплялась.

Ковалёв появился в дверях и посмотрел на приборный шкаф.

— Что там?

— Знакомая маркировка, — ответил я. — Где видел, пока не вспомнил.

Ковалёв фыркнул и снова поднял рацию ближе к уху. Я выключил свет над рабочей стойкой и вышел в коридор. За спиной продолжал гудеть холодильный модуль, а вот терминал окончательно погас.

Мы пошли обратно тем же маршрутом. Теперь дорогу я уже знал, поэтому двигались значительно быстрее. Когда до первой гермодвери оставалось меньше минуты, Ковалёв снова прибавил громкость рации.

Эфир за последние несколько минут заметно изменился.

— Южный третий, машина зашла со стороны старой промзоны. Людей вижу минимум шесть, вооруженные.

— Второй резерв к складам, остальные пока держат позиции.

— Повторяю, неизвестные машины идут вдоль внешнего сектора. Одна остановилась возле бетонки.

Мы прошли ещё метров двадцать. Я ускорился, потому что Дмитрий уже собирал людей для первого перехода из жилого сектора в инструменталку, а внутренние собирались проверять именно тот сектор, через который им предстояло пройти.

Рация снова ожила.

— Южный четвёртый, контакт! Повторяю, контакт у третьего проезда!

Сразу заговорили ещё двое. Один потребовал резерв, второй докладывал, что машина ушла за бетонные конструкции. Через секунду в эфире хлопнули несколько выстрелов, звук был глухим и далёким, зато ошибиться с ним было трудно.

Ковалёв остановился у поворота и поднял руку.

— Началось, Серег, штурмуют.

— Шакил долго ждать и не собирался, — выдохнул я.

Мы двинулись дальше. До первой гермодвери оставалось меньше минуты хода, когда Ковалёв вдруг крутанул колесо на рации и нахмурился.

— Тихо.

Я остановился рядом.

— Что там?

Он поднял палец. За металлической створкой впереди слышались голоса. Совсем близко. Мы подошли ещё на несколько шагов и остановились.

— Здесь закрыто, — произнёс кто-то с другой стороны.

— Давно?

— Откуда я знаю? Старый сектор. По схеме вообще законсервирован.

Ручка дёрнулась. Замки выдержали. Ковалёв уже держал автомат двумя руками, я встал сбоку от проёма.

— Отсюда к медблоку пройти можно? — спросил первый.

— Если дверь вскроем. Сейчас ключ запросим.

Их рации почти одновременно ожили. Голос Михалыча прорвался даже через металл:

— Всем свободным хозяйственного к южному складу! Контакт у третьего проезда. Повторяю, всем свободным на усиление!

За дверью кто-то выругался.

— Потом проверим. Пошли.

Шаги быстро удалились. Мы подождали ещё несколько секунд. Ковалёв опустил автомат и усмехнулся.

— Шакил сегодня прямо полезный человек.

Только после этого в его рации пошёл другой разговор, сухой и деловой, почти лишённый суевы общего канала.

— Восточный коридор, подтвердите очистку участка до второй точки.

После короткой паузы ответили:

— До второй точки чисто. Персонал снят. Посторонних на маршруте нет.

Ещё один голос добавил:

— Первая мачта готова. Питание штатное.

Ковалёв посмотрел на меня.

— В-7.

Я кивнул и остановился у стены. Эти переговоры уже касались куда более интересной части сегодняшнего бардака.

В эфире прошёл треск, затем заговорил мужчина, которого я раньше слышал возле В-7.

— Восточное направление освободить полностью. Повторяю: освободить полностью. Объект В-1 — подготовка к выводу.

Ковалёв медленно опустил рацию.

— Они всё-таки решили эту хрень вытащить.

— Похоже на то, — согласился я.

Мы переглянулись и пошли дальше. В голове уже складывалась неприятная картина: юг начинал стрелять, внутренние искали нас, Дмитрий собирал первую группу в инструменталке. Ну а В-7 именно сейчас запускал программу, которую ещё вчера сам считал незавершённой.

До первой гермодвери мы дошли через пару минут. Зелёный огонёк на считывателе горел, замки оставались закрыты.

Я приложил карточку Лизы и приоткрыл створку ровно настолько, чтобы выглянуть наружу. Коридор оказался пустым. Те двое действительно ушли на юг. Я снова закрыл дверь и дождался, пока замки встанут на место. Открывать проход для людей было рано: сначала требовалось вернуться в инструменталку и самому провести первую колонну.

Где-то далеко, за несколькими стенами и корпусами, включилось оборудование.

Сначала я услышал только слабый гул. Через пару секунд звук стал ниже, почти ушёл за предел обычного слуха, зато бетон под ногами слегка дрогнул. На металлическом шкафу рядом задребезжала плохо закреплённая крышка.

Ковалёв поднял голову.

— Вот это уже оно.

Я положил ладонь на стену. Вибрация шла через бетон ровными длинными толчками. Такое поле мы уже чувствовали возле В-7, только тогда оно работало локально и заметно слабее.

Сейчас мощности добавили серьёзно.

Из вентиляционной решётки над дверью посыпалась пыль. Где-то дальше по коридору тонко звякнуло стекло, затем ещё одно. Светильник над нами несколько раз дрогнул, хотя питание держалось.

Рация почти сразу ожила снова.

— Первая точка держит. Вторую готовить к приёму.

— Восточный маршрут, всем уйти за внутреннюю линию. Повторяю: персоналу покинуть маршрут.

Голос сменился. Новый говорил быстрее.

— Объект реагирует. Фиксируем изменение активности.

Ковалёв тихо выругался и убрал рацию чуть дальше от уха. С юга снова донеслась очередь, теперь уже длиннее. Почти одновременно в общем эфире кто-то закричал, чтобы четвёртый пост уходил к складам. Другой голос потребовал проверить переход и ещё раз вызвать Артура с Двенадцатым.

Я снял свою рацию и вызвал Дмитрия.

— Дим, где первая группа?

Ответ пришёл тихий и собранный.

— Собрал. Через пару минут веду из жилого в инструменталку. Пока маршрут чистый.

— В инструменталку и там ждите, мы возвращаемся.

— Принял. У вас там что?

Я посмотрел на Ковалёва. Вибрация снова прошла через стену, на этот раз сильнее.

— Всё сразу. Держи первую группу вместе. Остальных пока готовь.

Я убрал рацию и проверил магазин автомата. Ковалёв уже стоял возле поворота и слушал внутренний канал.

— По хозяйственному двое идут сюда, — сказал он. — Минут пять у нас есть, может семь.

— Значит, за эти пять минут надо успеть вернуться к нашим, — ответил я.

Мы двинулись обратно к инструменталке.

Мы прибавили шаг. За спиной снова прошла низкая вибрация, и на этот раз она уже чувствовалась даже через подошвы ботинок.